

Использованные источники и литература

1. Шафир М., Козлов А. Новый Союзный договор: каким ему быть. – Социалистическая законность. 1990. – № 12. – С. 3-5.
2. Советская Молдова. –1990, 20 декабря
3. Забытый проект. – Коммунист Украины.– 1991.– № 4.–С. 5–13.
4. Литвинова И. Внесение изменения в Конституцию. – Известия. – 1990, 25 октября
5. Конфедеративное государство: что создаем на этот раз? – Известия – 1991, 18 ноября.
6. Советская Россия. – 1991, 13 февраля
7. М. Рахимов. Что же удалось «проглотить» – Известия.– 1991, 13 февраля
8. Василевич, Г.А. Белорусское государство на рубеже веков / Г.А. Василевич. Минск: ИООО «Право и экономика». – 2006. – 468 с.

ПОЛИТИКА И НАУКА В БССР КОНЦА 1920-х – НАЧАЛА 1930-х гг. В ОТРАЖЕНИИ ЭГО–ДОКУМЕНТОВ

Глеб М. В.

г. Минск, Институт истории

Национальной академии наук Беларуси

Вопрос о степени воздействия политических, социальных и культурных контекстов на процесс научного познания, долгое время являвшийся предметом дискуссий среди представителей различных направлений в истории науки и технологий, разрешился признанием роли такого воздействия [1]. Актуальным остается исследование конкретных механизмов, факторов нематериального характера, способных влиять на такие краеугольные элементы научной деятельности как ее институциональные основы, содержание, мобильность в сфере науки и т.д.

В центре внимания данной статьи находится изучение направлений влияния государственной и партийной политики в БССР на процесс становления и развития первых белорусских научных учреждений – Института белорусской культуры (Инбелкульт) и Белорусской академии наук (БАН). Исследование построено на особом виде источников – эго-документах. В эту категорию включены документы, в которых, согласно определению основателя

данного направления исследований Жака Прессера, «эго, намеренно или случайно, раскрывается или, наоборот, скрывается» [2]. В фондах Центрального научного архива Национальной академии наук Беларуси (ЦНА НАН Беларуси), Санкт-Петербургского филиала архива Российской академии наук эго-документы сосуществуют с массивом официальных документов, что позволяет верифицировать и персонализировать историю белорусской науки.

Отличительной чертой советской науки являлся плановый подход, о чем свидетельствуют пятилетние и годовые планы работ организаций. В Институте белорусской культуры первый пятилетний план датировался 1928 – 1933 гг. Формирование как пятилетних, так и индивидуальных плановых заданий сотрудников в подавляющем большинстве случаев производилось руководителем структурного подразделения либо ученым, стоявшим во главе научной школы. Например, работой кафедры антропологии в Институте белорусской культуры руководил профессор Александр Карлович Ленц. В то же время, задачи работы кафедры должны были соотноситься с потребностями народного хозяйства БССР. Согласно запросу Народного комиссариата труда БССР, белорусским антропологам предлагалось изучить проблему зависимости трудоспособности от антропологических показателей [3, л. 2]. В результате, научная тема кафедры на 1928 – 1933 гг. включила как выявление расового и биологического типа белорусов, так и определение характерных черт, отделявших их от других народностей [4, л. 132]. В 1929 г. были проведены антропологические экспедиции по исследованию крестьян-белорусов, проживавших в районе городов Полоцка и Слуцка [3, л. 134]. Интересна мотивация запланированной А. Ленцем на 1929–1930 гг. командировки в Париж. Согласно заявлению в Президиум БАН от 24 апреля 1929 г., ученый собирался изучать вопрос брахицефалии, в том числе и потому, что ее доминирование у белорусов вызывало заинтересованность Академии наук СССР [5, л. 176].

В 1930 – 1931 гг. волна политических обвинений против национал-демократизма затронула и работы кафедры антропологии. Исследование белорусского народа как отдельного типа, имеющего определенную самобытность, стало ассоциироваться с политическим заказом нацдемов [6, л. 39]. Заведующему кафедрой антропологии А. Ленцу в обширном письме в Президиум БАН пришлось

оправдывать проведенные экспедиции и теоретические наработки [7, л.165– 71]. Он писал о том, что в ходе экспедиции в Полесье антропологи не установили особенностей, свидетельствующих о чистоте белорусского типа [7, л. 166]. Итоги упоминавшейся выше Полоцкой экспедиции, как подчеркивал А. Ленц, не только не подтвердили, а, наоборот, опровергли идею самобытности белорусского народа [7, л. 166]. Таким образом, из-за смены политического курса государственный заказ на исследования, полученный в конце 1920-х гг., в начале 1930-х гг. вынудил ученого оправдывать ранее проведенные научным подразделением БАН разработки.

Эго-документы позволяют осветить моменты, связанные с социальной структурой научных институтов и доказать, что возможность стать ученым в БССР определялась как способностями отдельно взятой личности, так и общественно-политическими требованиями к соискателям данной позиции. Формально эти требования не отражались в официальных документах научных учреждений, однако представления о них можно составить из косвенных свидетельств, представленных, в том числе, в эго-документах.

23 октября 1929 г. Президиумом БАН были уволены четыре сотрудника академии наук: ученый специалист словарной комиссии М. Байков, ученый специалист Института научного языка Л. Цветков, научный сотрудник кафедры этнографии А. Шлюбский, научный сотрудник Еврейского сектора И. Равребе. Общая для всех сотрудников формулировка причины увольнения носила политический характер [5, л. 38]. На последующем заседании Президиума БАН от 19 ноября 1929 г., она была детализирована. В отношении А. Шлюбского было отмечено создание и распространение «реакционных по содержанию анкет» и появление компрометирующих данных о нем в печати [5, л. 51]. Однако в письме академику Е. Ф. Карскому сам А. Шлюбский несколько иначе трактовал основания своего увольнения. Он считал, что причинами его отставки стали: отсутствие поддержки с его стороны резолюции, осуждавшей академиков Академии Наук СССР, отказ подписаться на 3-й заем индустриализации и негативная реакция на заметку в настенной газете [8, л. 8–9]. Отметим, что в официальных документах БАН не сохранилось данных о существовании данной резолюции. Ее упоминание, однако, говорит о поддержке частью ученых БАН позиции властей по делу академиков АН СССР, отказавшихся в январе

1929 г. избрать трех кандидатов-коммунистов в действительные члены Академии, и попавших за это под огонь критики.

В качестве причины увольнения М. Байкова в ноябре 1929 г. указывалось, что ученый является чуждым по своему социальному происхождению [5, л. 51]. О том, что происхождение ученого в изучаемый период рассматривалось крайне тщательно, свидетельствует ряд других эго-документов. Например, заявление картографа Геологического института Я. Пикулика в ячейку КП(б)Б БАН от 29 июля 1929 г. содержало подробные доказательства того, что он не является домовладельцем. Заявление было составлено в ответ на обвинения в наследовании частной собственности [5, л. 231–232]. В документы Президиума БАН за 1929 г. включены справка и письмо в редакцию газеты «Чырвоная змена» сотрудника класса истории С. Борковского [5, л. 31–32]. Ученого, по его собственному признанию, часто путали с его тезкой С. Борковским, отец которого был священнослужителем. Письмо в редакцию и представленная справка Слуцкого городского совета призваны были доказать тот факт, что отец сотрудника БАН был ремесленником, не занимался наймом рабочей силы и практически не имел собственности. Эта картина соответствовала образу выходца из рабочих масс. Привлечение данной категории людей на работу в БАН становится одним из приоритетов кадровой политики в начале 1930-х гг. Данные о социальном происхождении являлись неотъемлемой частью заявлений о приеме на работу, автобиографий, личных листков, опросных листов кандидата на зарубежную научную командировку, о чем свидетельствуют документы ЦНА НАН Беларуси.

При анализе автобиографий одним из наиболее интересных моментов является взаимосвязь персонального нарратива с коллективным контекстом. При этом автобиографии, по мнению швейцарского исследователя эго-документов Каспара фон Грейерца (Kaspar von Greyerz), создают собственный дискурс [9]. Справедливость этого утверждения можно продемонстрировать на примере эго-документов белорусского политического деятеля, писателя и публициста Я. Лёсика. В 1928 г., наряду с другими кандидатами в первые действительные члены Академии, им была представлена автобиография, написанная собственноручно. Это подтверждается сличением почерка с открыткой Я. Лёсика академику Е.Ф. Карскому от 15 марта 1926 г. [10, л. 1]. Данные, приведенные Лёсиком, отличаются от информации в более поздних

статьях по истории академической науки [11]. В частности, в биографиях Я. Лёсика о его учебе в Молодеченской учительской семинарии в 1898–1899 гг., затем в Новгород-Северском городском училище до 1902 г. Однако в автобиографии ученый указывает, что он отучился в учительской гимназии Молодечно в течение 3 лет и ссылается на тот факт, позволяющий датировать окончание его учебы: отчисление на третьем году обучения из-за протеста против молебна по убитому министру Н.П. Боголепову [12, л. 151]. Таким образом, согласно данным автобиографии, Я. Лёсик был отчислен из Молодеченской учительской семинарии не ранее марта 1901 г. Затем, как указывает ученый, он поступил в Глуховский учительский институт, находившийся на Украине. Однако из этого института он также был отчислен, но уже за то, что «...ня мог скончыць навуку да прызыву ў салда-ты» [12, л. 151].

Рознятся и данные, касающиеся преследований будущего академика за политическую деятельность. Согласно имеющимся биографиям, в 1907 г. Я. Лёсик сбежал из-под стражи и был вновь арестован и сослан в Сибирь лишь в 1911 г. В то же время, в автобиографии ученый подчеркивает, что он был сослан в Сибирь в 1908 г., сопровождая этот факт уточняющим комментарием о том, что он пробыл на поселении ровно 10 лет. Отметим, что в целом автобиография Я. Лёсика достаточно короткая, и ограничивается двумя основными датами: об обучении и высылке. Таким образом, формируется своеобразная структура представлений о человеке, который, несмотря на преследования властей, смог получить образование, однако не смог реализоваться как специалист по причинам политического характера. Я. Лёсик полностью опускает те моменты своей биографии, которые могут нанести ущерб этому образу. Так, в частности, отсутствуют данные о его работе в Белорусской социалистической громаде, в Белорусской раде, во Всебелорусском съезде 1917 г., о его отношении к Белорусской народной республике.

Деятельность научного учреждения в определенных обстоятельствах способна обуславливать различные направления его работы. Эго-документы ученых, работавших в Институте белорусской культуры и Белорусской академии наук на рубеже 1920-х – 1930-х гг. демонстрируют значительное влияние общественно-политических процессов, проходивших в это время в БССР, на развитие науки. Они позволяют раскрыть механизмы влияния как непосредственно

на личность ученого (прием на работу и увольнение), так и на его исследовательскую деятельность (государственный научный заказ, политическая оценка полученных результатов).

Использованные источники и литература

1. Donovan, A., Oppenheimer, C., Bravo, M. Social studies of volcanology: knowledge generation and expert advice on active volcanoes / A. Donovan, C. Oppenheimer, M. Bravo // *Bulletin of Volcanology* – 2012 – 74 (3) – P.677-689; Collins, H., Evans, R. Why Democracies Need Science / H. Collins, R. Evans. – Cambridge: Polity Press, 2017. – 200 p.

2. Деккер, Р., Баггерман, А. Жак Прессер и традиция еврейской автобиографии в Нидерландах / Р. Деккер, А. Баггерман // *Неприкосновенный запас*. – 2019. – № 2. – С. 238 – 256.

3. Центральный научный архив Национальной академии наук Беларуси (далее – ЦНА НАН Беларуси). Фонд 67. Оп. 1. Д. 36.

4. ЦНА НАН Беларуси. Фонд 67. Оп. 1. Д. 33.

5. ЦНА НАН Беларуси. Фонд 1. Оп. 1. Д. 2.

6. ЦНА НАН Беларуси. Фонд 1. Оп. 1. Д. 9.

7. ЦНА НАН Беларуси. Фонд 1. Оп. 1. Д. 410.

8. Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук (далее – СПбФ АРАН). Фонд 292. Оп. 2. Д. 158.

9. Greyerz, K. Ego-Documents: The Last Word? / K. Greyerz // *German History*. – 2010. – Vol. 28. – № 3. – p. 273–282.

10. СПбФ АРАН. – Фонд 292. Оп. 2. Д. 77.

11. Язеп Юр'евіч Лёсік [Электронный ресурс] // База данных «Имя в белорусской науке». – Режим доступа: <http://csl.basnet.by/anews1.asp?id=72768>. – Дата доступа: 12.06.2019; Лесик Язэп / Возвращенные имена: Сотрудники АН Беларуси, пострадавшие в период сталин. репрессий / сост. и авт. предисл. Н. В. Токарев; ред. А. С. Махнач. – Минск: Навука і тэхніка, 1992. – 120 с. – С. 66 – 67.

12. ЦНА НАН Беларуси. Фонд 67. Оп. 1. Д. 28.